

Предисловие

... Все последние годы жизни я время от времени возвращаюсь в своих мыслях к осознанию того, какой огромный путь прошла наша большая семья, ставшая за эти годы не просто семьёй, но тем, что в Сибири называется родова. Вместе с тем я всё больше осознаю, что надо писать об этом, чтобы знание об этом огромном пути не пропало, было известно всем нашим, идущим - поколение за поколением - по этой дороге.

Время идёт, вот уже осень 2016-го года, и все яснее становится, что надо начинать. Более того - давно уже пора было писать о семье, её корнях, но труд, который я задумала, настолько большой и ответственный, что всё время из-за боязни этой ответственности откладываю. И чем дольше откладываю, тем больше одолевает страх забыть то, что я усвоила и узнала о своей родове в моём далёком детстве и в течение всей жизни.

Сама себе даю наказы – не забыть про то, про другое, вспомнить что-то ещё и ещё. В памяти, как будто и вправду от этих наказов, всё ярче высвечиваются факты истории нашей семьи, и я стараюсь записывать эти воспоминания. Спросить и уточнить уже не у кого, все наши старшие ушли на тот свет. Поэтому сейчас можно опереться только на свою память, на услышанные ранее рассказы старших, которые, к счастью, ещё сохраняет моя память и память моих родных.

Но сначала о том, что такое родова. Это слово у нас в Сибири знают все, кого ни спроси, и все чётко представляют, что это такое, а вот в словарях его значение не раскрывается. Во всяком случае, всезнающий Интернет этого слова не знает вообще, не говоря уже о его смысле. Приходится объяснять, как уж получится, по смыслу, в котором это слово употребляется у нас в народе.

Родова – это большая семья с разветвлёнными линиями родства. При этом учитывается не только наличие, но и качество семейных корней. Например, говорят: «У них родова хорошая». Это значит, что в такой семье нет плохих людей, вся семья работающая и честная, люди сильные и здоровые. Значит, с такой семьёй можно родниться, из неё можно брать невесту или жениха. Или наоборот: если родова плохая, то с выходцами из неё лучше не связываться.

Поэтому понятие «родова» включает и генетику семьи, о которой стародавние люди теоретически не знали ничего, но в практическом плане использовали в своей жизни обязательно.

Вот и у нас не просто большая семья, у нас именно родова. Наверно, то, что на Западе называется кланом. Недаром нашу семью одно время пытались называть кланом, особенно, когда по телевизору прошёл сериал

про американский город Санта-Барбару. Но в отношении нашей семьи это словечко не прижилось. А если бы прижилось, это было бы плохо, как-то не по-русски.

Мы были и есть – РОДОВА. То есть род, созданный жизнью и делами нескольких поколений людей.

К такому пониманию приходишь не сразу. В детстве, юности, в годы зрелости, когда время заполнено становлением своей судьбы по всем направлениям, многими заботами, связанными с таким становлением, учёба ли это или рождение и воспитание детей, нет ни большого желания, ни времени вникать в суть семейной истории. Ну, семья и семья, у всех семьи.

Но когда приходит старость, начинаешь оглядываться на прожитое, и тогда во всей огромности встаёт необходимость осознания смысла существования и твоей семьи, и твоего личного жизненного пути – но, опять же, осуществляемого в рамках своего большого семейного сообщества, с учётом морали семьи, её требований, её достатка и помощи. Ведь, в общем-то, весь жизненный путь любого отдельного человека, каким бы он ни был, успешным или не очень, - связан с семьёй, с её устоями, с её историей.

А вся жизнь твоей огромной семьи, то есть родовой, твоего рода, включена в историю страны.

И вот именно тогда ясно осознаёшь, что это такое - твоя родова, твои родные и милые сердцу люди. Как много они значат, и как ты горячо желаешь, чтобы они так же много значили и для твоих детей, внуков, правнуков, для всех, кто будет идти дальше по нашему общему жизненному пути. Не в смысле профессии или места жительства, не в смысле богатства, нет. В смысле такого общего пути, на котором не теряется совесть, любовь к своей семье, уважение к основателям рода, высокая оценка всего того, что они сделали для тех, кто идёт за ними.

Получается, что хорошая родова – это гарантия жизни рода и его членов, это та дорога, по которой семья идёт в будущее.

Мои записи, которые я начала наконец-то делать этой осенью, именно об этом – о нашей родове.

Начало

... Однажды наступило время, это был 2005 год, когда мне часто стал сниться наш родной деревенский дом в селе Соколовка Нижнеингашского района, построенный в 1905 году. Этот дом возвёл мой дед Павел Яковлевич Тресковский – переселенец из Могилёвской губернии Белоруссии, которая тогда не была отдельным государством, а входила в состав огромной Российской империи.

Дом был построен разумно по отношению к частям света. Так, крыльцо и кухонное окно выходили на восток. Для меня, маленькой девочки, это

было абсолютно понятно: на востоке находится МТС, куда каждый день ходит на работу мой отец, Сергей Константинович Данков, директор Малиновской МТС, там же дороги, которые ведут к этой организации, там же гречишное поле.

И всему этому необходимо утреннее солнце.

Дальше солнце двигалось южнее, туда, куда угоняли стадо коров, и куда мой отец уезжал на какое-нибудь совещание в районный центр. А потом солнце перебиралось на запад, и на его затухающий, уставший свет шло коровье стадо, поднимавшее пыль на дороге и пахнущее молоком.

Во всем этом устройстве мироздания моих детских лет была невероятная гармония, которую создавало расположение родного дома относительно солнца, а в конечном счёте – само солнце.

Так вот, стал дом сниться всё чаще: зелёная трава на просторном дворе, над травой полощутся белые простыни, и качели, сделанные ещё дедом для своих детей, и сад с черёмухой, и огромное крыльцо – не из досок, а из здоровенных плах, на котором вечерами сидит вся семья. И два тополя, укrywшие наш дом сверху. И запах цветущей гречихи с ближнего поля, через которое шла тропинка в МТС...

Мать сказала:

- Ну, съезди, посмотри на дом, попрощайся с ним за всех нас.

Съездила, посмотрела, попрощалась. Дом наш был в тот год, хотя и заброшен, но ещё крепок, что неудивительно: перед самым отъездом на новую жизнь в Нижний Ингаш он был отремонтирован капитально, подданы два венца в его основании. Это было сделано летом 1957 года. А осенью 1958 года наша семья переехала в Нижний Ингаш.

Сейчас в доме нашем уже давно никто не живёт. Зарос дурниной чистый и аккуратный некогда двор, снесены постройки, затравянял некогда плодородный, ухоженный огород, ржавым мхом покрылась кора столетних тополей, посаженных ещё дедом. Дом, как человек с тяжёлой судьбой, загрузил и закрыл окна-ставни.

Жильцы после нас менялись один за другим, но никто не прижился. Наверно, выталкивал старый дом чужих людей, ждал хозяев – построивших его и любивших до последней досточки в заборе. Но жестокая родина-мать, как щенят, выкинула один за другим три поколения из их родного дома. А те, для кого это делалось, хозяевами, увы, не стали...

Все это, конечно, печально. Но из песни слова не выкинешь – дедовский дом, наше родовое гнездо, нами утерян навсегда. Хотя нашей вины в этом не было.

Чтобы понять, как это случилось, придётся обратиться к истории страны и нашего района, который начинался со строительства Московского тракта, нынешней федеральной трассы М-53. Эта большая дорога через всю страну строилась постепенно и по мере своего продвижения на восток «обрастала» поселениями, жители которых обслуживали тракт: занимались извозом, держали постоянные дворы, а потом пришла очередь и сельского хозяйства.

Во время реформ П.А. Столыпина в начале XX века в Сибирь приехали предки большинства нынешних нижеингашцев, в том числе и наш дед Павел Яковлевич Тресковский – с братьями, детьми и родственниками по линии жены Анны (по паспорту), Ганны в быту. Определили их на жительство в две деревни – Соколовку, где обосновался мой дед, и Покровку – деревеньку немного дальше Соколовки.

Соколовка – это село в тридцати километрах от Нижнего Ингаша, районного центра на самом востоке Красноярского края. По меркам того, переселенческого времени, – далеко от центров цивилизации, если таковыми считать железную дорогу и Московский тракт. По нынешним же меркам если судить, то Соколовка находится исключительно удачно с точки зрения экологии, чистого воздуха и чистой воды. Наступает время, когда это будет цениться всё больше, и вполне возможно, моя родина примет новых поселенцев, людей, которые захотят обитать в условиях естественной, природной жизни.

Соколовка расположена так: с одной стороны тайга, с другой поля, перемежающиеся околками (кусочками леса), а в конце этих полей – снова тайга.

Когда я пишу эти строки, издана моя первая книга стихов и рассказов «Мне нишу предоставило село». Так вот для её оформления мой хороший друг, писатель и издатель Сергей Прохоров нашел в Интернете фотографию, на которой дорожный указатель с надписью «Соколовка» и панорама села. Хорошо видно на этом снимке, что Соколовка расположена как будто между ладонями таёжного леса. И это на самом деле так. Мы жили и росли в весёлых и добрых ладонях леса, бывшего для нас родным и абсолютно безопасным, и в ладонях дедовской усадьбы – с её теплым домом, широким зелёным двором, с её тайнами, играми, качелями, собакой Жучкой. Со всеми прелестями нормальной, разумной, я бы даже сказала – интеллигентной деревенской жизни...

В исторических исследованиях написано, что переселенцы первое время жили в землянках, в шалашах и балаганах, то есть во временном жильё. Это наших предков не касается ни в коей мере. Дело в том, что Тресковские приехали из своей Белоруссии, где они жили в селе около Могилёва, целой кучей братьев, с чадами и домочадцами. Причём один из братьев сразу построил лавку и начал торговлю. Понятно, что имея средства и родственную рабочую силу, строились братья сразу, без никаких балаганов и землянок. Моя тётка Ольга Павловна Тресковская рассказывала, что и остальные переселенцы не жили во временном жильё, предварительно для них были построены бараки, вообще переселенцам хорошо помогало строиться государство, давало на это деньги.

И не только строиться. Государство выделяло переселенцам по двести рублей на семью, на которые в те времена можно было купить около 20 коров и завести стадо. Давали лес на вырубку, чтобы построить не только дома, но и хозяйственные постройки.

Братья Тресковские, жадные до жизни и до работы, возводили сразу

всё. Тот из братьев, который был торговцем, построил свой дом напротив дома нашего деда. А рядом с домом нашего деда поставил свою лавку. Потом в этом доме долгое время при советской власти был сельсовет.

Во дворе своего дома брат-торговец поставил избу вроде барака, это был склад товаров. Когда пришла советская власть, этот склад отдали под жильё. В низеньком домике жили наши хорошие знакомые: семья Барсуковых, а также квартировавшая у них Агафья Гавриловна Тараканова, бухгалтер из МТС, дочь первого председателя сельсовета Гавриила Тараканова, убитого колчаковцами. Попутно замечу: на месте, где расстреляли Тараканова, при въезде в Соколовку, долгое время стоял небольшой обелиск, около которого проводились пионерские мероприятия. Сейчас это место запахано.

... Время от времени мне придётся делать отступления от основной линии повествования. Хочется рассказать о многом, даже о том, что вроде бы не особенно важно, но представляет, по моему мнению, определённый интерес. Это своего рода мифы, легенды и разного рода придуманные уже много позднее истории.

Отступление первое: миф о купце Тресковском

Где-то в конце 90-х годов – самом начале XXI века, году так в 2001-м, моей дочери Любе передали из Соколовки сумку с какими-то документами, по-моему, там был паспорт и ещё что-то. Это были документы Николая Яковлевича Тресковского, соколовского сельского лавочника. Упакованные в кожаной сумке, они были найдены соколовцами при очистке старого высохшего колодца во дворе дома, где он жил.

Самое интересное, что эти же соколовцы потом говорили, что были найдены и золотые монеты, которые, естественно, тут же кто-то украл. Вполне возможно, это миф, но явная правда то, что когда пришла советская власть, купец решил убежать от неё, и это ему удалось, не то, что моему деду. Он уехал в уездный город Канск, купил там дом и вырастил детей. Их судьба сложилась благополучно.

Таков миф, и так мы считали много лет. А теперь подумаем: если обнаруженные документы принадлежали Николаю Тресковскому, лавочнику, то это означает, что или его убили, а документы бросили в высохший колодец, или лавочник свои документы спрятал, а приобрёл бумаги на чужую фамилию. В любом случае, судьба трагическая. Я думаю, что их убили, потому что в то время было непросто достать документы на другое имя, да ещё на всю семью.

А что же говорила об этом тётка Ольга, старшая на тот момент в нашей семье?

Она молчала. Она вообще о многом молчала, хотя явно многое знала.

Только спустя много лет я поняла причину её молчания – она защищала нас, детей, от этого трагического знания, потому что, как ни крути, их семью в то время преследовало и убивало не какое-то частное лицо, не бандитская шайка, а государство. И в такой ситуации лучше всего было молчать.

Но об этом немного позже...

В Канск же во время «раскулачки» перебралась семья сестры Ганны, бабушки Матруны, по её мужу их фамилия была Батыновские, по деревенскому прозвищу – Батыны. Так в Белоруссии называют аистов.

Мне было лет четырнадцать, когда мать разрешила съездить в Канск в гости к дальней родне. Хотя какая дальняя – получается, что бабушка Матруна была родной тёткой моей матери.

Жили Батыны в старом деревянном доме, он и сейчас жив-здоров, и когда мне случалось ездить в Канск, я всегда обращала внимание на него. Старый, вросший в землю, с постоянно закрытыми ставнями.

Хорошо помню, как с дочерью бабушки мы ходили в церковь. Это был 1960 год, и церковь ещё была в своем родном здании. Был Яблочный Спас, мы с тёткой Настей отстояли службу. А сама бабушка рассказывала мне по секрету, что её сын был в банде «Чёрная кошка», но ему удалось уйти от наказания. Спустя много-много лет, я узнала, как ликвидировали эту страшную банду, наводившую ужас на население страны. Членов «Чёрной кошки» тогдашние милиционеры просто-напросто поубивали. Конечно, жестоко. Но если бы их ловили и судили по закону, многим бандитам удалось бы уйти от правосудия: у них были деньги и наглость.

Этот Матрунин сын ходил тут же, что-то делал по хозяйству, звероватого вида, молчаливый и строгий. А дочь этого мужика всю жизнь была преподавателем в Канском педучилище.

Таким образом, именно Батыновские, а не Тресковские переселились в Канск. А след Николая Яковлевича Тресковского потерян, во всяком случае – нам неизвестна его судьба и судьба его семейства.

В нашем районе есть Тресковские и кроме нас. Это, безусловно, наша далёкая родня по деду Павлу Яковлевичу. Но как-то мы не привыкли общаться, выяснять, кто кому какая родня, искать далёкие ветви родства. Наверно, потому, что близкой родни рядом было много.

В Соколовке, как и во многих других переселенческих деревнях, дома ставили разные. Строили дома добротные, из леса большого диаметра, с шатровыми крышами, резными ставнями, с просторными хозяйственными дворами под сплошным навесом. Таких домов было мало.

Но строили и скромные избы, по силам и средствам.

У нашего деда дом был не пятистенный, то есть не на сибирский манер. Дом был построен по западному, то ли польскому, то ли литовскому

образцу. Особенности этой усадьбы таковы: окна выходят на улицу, сзади к дому примыкают постройки, расположенные вокруг двора. Получается замкнутое, защищённое пространство - для скотины, для детей, для огорода.

Для строительства дома наш дед удачно выбрал небольшое возвышение, и поэтому никогда не заливало весенними водами подполье и подвал во дворе, а крыльцо было высоким, с несколькими широкими ступенями. Дом был большой, но не огромный, как сейчас любят строить. Дед понимал, что, обогреваясь дровами, нельзя иметь чересчур большое жильё.

Дом был ровно такой, как надо. Всем хватало места, и было в нём тепло, хотя для поддержки русской печи зимами ставили печку-буржуйку, которая немедленно становилась центром жизни.

Да если ещё залезть на большую печь и сверху воспринимать тепло от неё и от буржуйки, и слушать разговоры, которые ведутся внизу, – вообще большая жизненная удача! С этим теплом связано вот что: сколько ни вспоминаю нашу соколовскую жизнь, не могу припомнить сильных морозов, какие порой мучают нас сейчас. А ведь были, были эти морозы, но в тёплом доме они не воспринимались большой неприятностью.

Наш дед Павел Яковлевич возвёл не только дом, но и помещения для скотины, амбар под зерно, баню, выкопал колодец, воздвиг огромный навес на здоровенных, в полтора обхвата столбах. На таких же столбах под навесом были поставлены качели для детей. Качались на них мои дядя и тётки, моя мать, досталось и нам с сестрой и братьями покачаться на старинных дедовских качелях. Размер качелей был солидный: например, на доску садилась моя мать с братом Серёжей на руках, мы с сестрой по бокам, и всем хватало места.

... Переселенцы сходились в одном: стремились жить зажиточно, вольно, для чего заводили много скота, обрабатывали много земли. Выращивали не только зерновые культуры, среди которых были просо и гречиха, выращивали картошку на корм для скота и для людей, репу, брюкву, капусту, редьку. Сейчас молодёжи даже трудно представить, что это такое – репа или брюква, но я хорошо помню вкус сладкой репки, которую мы летом съедали килограммами, и пареной брюквы, а также пареной в русской печи свёклы. Эти парёнки ели просто так, как конфеты, или делали из них начинку для пирогов.

Выращивали лён, чтобы делать одежду. Я помню полотенца, рушники, изготовленные из льна и вышитые чёрно-красным крестиком. Как долго они держались в нашем обиходе!

Выращивали коноплю. Это сейчас несчастное растение обгадили как сырьё для наркотика, а раньше оно было в большом почёте. Из конопли изготавливали пеньку, то есть грубое лубяное волокно, и эту пеньку Россия поставляла на Запад. Из пеньки делали канаты, верёвки, шпагат. Я хорошо помню, как мать однажды показала мне лесок около МТС и сказала, что здесь у их семьи было пенькомочище. То есть место, где был, видимо, ручей и запруда, в которой мочили пеньку и лён.

А еще конопля давала вкуснейшие семена, которые жарили зимой на печках-буржуйках и ели это лакомство, горячее, душистое, невероятно вкусное, гораздо вкуснее, чем подсолнечные семечки. Такое жареное семя конопля почему-то звали коноплё.

Из конопля делали и растительное масло. Зимой доставали из подвала квашеную капусту, крошили туда лук, поливали конопляным маслом – чуть-чуть зеленоватым, душистым, густым и пахучим, оно было куда лучше, чем нынешнее оливковое. К горячей рассыпчатой картошке, к салу, замороженному и хорошо просолённому с чесноком и тмином (мы, как все белорусы, без тмина не представляли никакой еды), этот деревенский деликатес подходил как нельзя лучше.

Держали много овец. В этом была жизненная необходимость: надо было шить зимнюю одежду, полушубки, тулупы. Я помню, что у нас были огромные тулупы, два или три, их не только носили во время дальних поездок на санях, но и использовали в качестве одеял. Милое дело – когда за окнами воеет метель, шоркает об стены дома снеговыми зарядами, залезть под этот тулуп, неистребимо пахнущий овцой, и счастливо угреться. Вроде, и в доме тепло, огромная печка посреди трёх комнат топится добросовестно, да еще буржуйка добавляет тепла изрядно, а под тулупом всё равно лучше.

Из овчины шили также мужские полушубки – простые и отрезные по талии и от талии же сборчатые, они назывались борчатки и считались богатой одеждой.

Овечью шерсть пряли и делали варежки, покрывала для кроватей. У нас было два таких покрывала из овечьей шерсти, ещё бабушкины. Не надо думать, что это были тупо однотонные серые изделия – шерсть красили, поэтому покрывала были настоящими произведениями искусства – в разноцветную полоску, причём цвета были подобраны исключительно гармонично. Бабушка Ганна дело свое знала. Один такой плед я помню, как сейчас: тёмно-вишнёвый фон с розовыми цветами. Второй плед был посромнее, в коричневых оттенках с жёлтыми вкраплениями.

Эти покрывала звались постилки – от слова «постилать», «застилать».

Овцы давали не только шерсть и овчину, но и кормили своих хозяев. По мере надобности овец резали летом, когда уже никакое мясо в погребе-леднике не сохранялось, а наступало время покоса, заготовки дров, прополки многочисленных посадок. Людям, много работавшим физически, требовалось мясо, и его давали овцы.

Отступление второе: вечерний суп...

... Помню, как сейчас.

Наш огромный двор, весь в зелёной траве, которая не может разрастись сильно, потому что её постоянно топчет скотина и приминают детские ноги, но она по мере сил всё равно растёт и становится чем-то вроде газона.

К тому же двор время от времени подметается. Подметать двор – это наша с сестрой обязанность, и это такое большое удовольствие, когда видишь чисто выметенный, такой радостный, аккуратный двор, наше основное детское жизненное пространство.

Ближе к крыльцу стоит печка-буржуйка, на ней варится суп из свежей баранины. Овцу закололи только что. Кололи и снимали шкуру тут же невдалеке, под навесом. Нас, детей, не отгоняли, мы всё видели. Если бы это было сейчас, сколько визгу подняли бы в СМИ любители животных! Это, конечно, было жестоко, но люди должны были думать о своём пропитании, овец держали именно для этого, и мы, дети, понимали вполне здраво эту сторону жизни.

Но нас учили и хозяйскому отношению к домашней скотине. Сейчас мне дико смотреть, как современных детей специально приучают любить животных. А раньше детей не приучали, просто мы всегда знали: не сядет семья за стол, пока не накормлены животные, не подоена корова. Не представляю, чтобы мы ужинали, а в стайках кричали голодные свиньи и мычала недоенная корова!

... Так вот, дело к вечеру, все дома. Мать держит на руках маленького Серёжу, любимца семьи, родившегося после трёх девок – меня и моей сестры Шуры, а также самой старшей девочки Любы, родившейся на фронте и умершей в Читинском военном госпитале. Ножки моего брата закутаны в простынку с кружевами по низу. Он красивый и спокойный малыш с умными голубыми глазами.

Ещё немного – и ужин будет готов. Суп разольют в тарелки и будут есть, сидя на ступенях крыльца, на свежем воздухе, или за дощатым столом, который стоит здесь же, около печки. Возможно, придёт кто-то из соседей, и ему тоже нальют супа.

Мы все вместе, и наши старшие ещё совсем молодые, и запах от супа из свежей баранины ошеломительный. Стоит лето. Мне совсем немного лет, но я понимаю, что это и есть счастье.

Больше такого супа ни я, ни сестра не ели. Об этом мы недавно вспоминали. Хоть как вари, а такой вкусноты не добьёшься...

А мой брат Сергей недавно ушёл из жизни, едва отметив 65 лет. Ушёл, оплакиваемый семьёй, всеми, с кем работал, ходил на рыбалку, жил в соседстве. Каким был в детстве, таким и прожил жизнь, таким ушёл и на тот свет – красивым, умным, голубоглазым...

Переселенцы много работали. Новые сибиряки надеялись, что своим трудом заработают право на сытую, обеспеченную жизнь если не для себя, то уж для внуков – точно. Они не были мечтателями – такое будущее им гарантировала тогдашняя власть, на своей земле, в суровом, но таком отзывчивом на труд таёжном краю.

Новые люди Сибири прибывали сюда в основном из Белоруссии и

Украины, селились кучно, по национальному признаку. В результате родная моя Соколовка делилась на два конца – на «хохлов» и «капитульцев», в дни больших праздников сходящихся стенка на стенку. В остальное время жили мирно, было не до глупостей – всё время отнимала работа. Чуть подробнее о жизни в Соколовке – в моем романе «Время разбрасывать камни», где Соколовка изображена под названием Владимировка.

Почему наше село носит название Соколовка?

Есть официальная версия, что первым поселенцами здесь были политические ссыльные некие братья Соколовы. На мой взгляд, эта версия абсолютно неверна. Дело в том, что царская власть никогда не селила политических ссыльных на неосвоенной земле, да ещё посреди глухой тайги. Власть отвечала за жизнь и здоровье ссыльных. Яркий пример: главный революционер и основной враг царизма В.И. Ленин отбывал срок в селе Шушенском, где благодатный климат, где ему с женой было предоставлено самое комфортное по тем меркам жильё и выплачивались средства на жизнь.

В начале XX века отбывал ссылку и Иосиф Сталин, и где – в селе Курейка, на севере края. Ему тоже было предоставлено пособие, он мог спокойно жить, и даже, как недавно выяснилось, в ссылке у него был роман с юной сибирячкой, которая родила от Сталина сына, и у этого сына есть потомки.

Другая версия – село названо по имени государственного землемера, намечавшего место нового переселенческого села, нарезавшего земельные участки. Эта версия более правдива. Такое название новых сёл происходило в то время сплошь и рядом.

Когда мы жили в Соколовке, тётка Ольга, кладёзь информации о прежней жизни, показывала первый дом в Соколовке, в этом доме жили люди по фамилии Ермаленок. Это и есть правда. Никакие Соколовы не могли быть и не были первыми в нашей деревне.

Кроме того, никогда в Соколовке я не слышала упоминаний о фамилии Соколовых, хотя, будучи весьма любопытным существом, шлялась по деревне, смотрела на усадьбы и дворы, разговаривала с людьми. Это невероятно, но я как будто уже тогда готовилась стать пишущим человеком, пусть даже в маленькой районной газете. Я не подсматривала – я, скорее, впитывала в себя эту жизнь, этих людей. Я любила Соколовку. Ту Соколовку, какой она была в моём детстве. И какой сейчас уже давно нет...

Отступление третье: о деревенских именах и прозвищах

Я и сейчас могу назвать всех жителей по своей улице в деревне. Если не по фамилии, то по деревенскому прозвищу, которые давались не очень оскорбительно. Так, наша родня первоначально звалась Трескуны,

потому что Тресковские, а потом - по фамилии моего отца - Данки. Были Комаришки (Комаровы), был председатель сельсовета Кольвинковский по прозвищу Касим, соответственно, его жена, директор школы, была Касимиha. Приличные, достойные люди во главе с суровым, молчаливым хозяином звались Козлы, хотя настоящая их фамилия была Ставер.

Юдовы звались Юдочками. И это было совершенно правильно, потому что глава семьи, Митя Юдов, был мужичком небольшого роста, чернявым, говорливым, приветливым, и жена, моя первая учительница Нина Алексеевна, чудесная, милая женщина, была ему под стать, только светловолосая.

Была семья Махнов, имевшая официальную фамилию Костюкевич. Но глава семьи именовался батшкой Махно, а дети, соответственно, - Махнятами.

Иногда прозвища давались весьма неожиданные. Так, у моей подружки Тома Герасимёнок отца звали Васька Дитя'тка, а его жена звалась Дитя'тчиха. Хотя были вполне приличные люди. Но в далёком детстве любящая мать долго звала Ваську дитятком, вот и прицепилось. Кстати, это прозвище я использовала, когда писала рассказ «Про Ромео и Джульетту из сибирского села».

Был ещё мужик, которого звали Дергач. Я думала, что это было такое неприятное прозвище, но нет – это была фамилия. А так как он был заготовителем от государства, то есть требовал от каждого двора сдавать определённое количество продуктов, то его фамилия ему подходила как нельзя лучше.

В МТС работал шофёр Николай Костюкевич, имевший буквально какое-то чукотское имя – Коля Кэлэмэнэ. Позже, когда я читала замечательные повести чукотского писателя Юрия Рытхэу, встречала похожие имена, например - Нэптунэ, и обязательно вспоминала своего земляка Колю, который, на свою беду, любил за каждым словом приговаривать – Ё кэлэмэнэ! И доприговаривался до прозвища.

Но вот что интересно. В каких-то больших мероприятиях, в традиционных ответках, обжинках и отсевках, во время празднования дней рождения друг друга принято было называть по имени-отчеству. Говорили: Татьяна Павловна, Ольга Павловна, Сергей Константинович, Тимофей Кириллович. Я потому и помню так въяве многих соколовцев, что их имена-отчества слиты воедино. Люди уважали друг друга и знали, когда употребить прозвище, а когда навеличить полностью. Это был общепринятый сельский этикет, который свято соблюдался.

Иногда это выглядело весьма юмористически. Хорошо помню, как праздновали рождение брата Сергея. Это было такое грандиозное мероприятие! Столы стояли в двух комнатах, были щедро накрыты, на всех столах стояли четверти - такие огромные бутылки - с самогонкой. Пусть мутноватая, но своя, хлебная, чистая. Когда в юности я попробовала виски, узнала знакомый запах – это был «аромат» родной соколовской самогонки.

... И вот в разгар торжества наша соседка заводит под уздцы коня, стоявшего на привязи около дома. На нём приехал кум – Пётр Яковлевич Тыченко - из Михайловки, соседней деревни.

- Нехай и коню будет праздник! – Кричит соседка.

А хохочущие гости восторгаются:

- Ну, Эмилия Максимовна, ну, учудила!

И никто не сказал: Багречиха, ну ты допилась!

Не положено было. Только Эмилия Максимовна!

Старшие Тресковские

... Какими они были, основатели родовой со стороны нашей матери Татьяны Павловны, урождённой Тресковской?

Я помню старинную фотографию, на которой в центре группы людей стоит мой дед Павел Яковлевич, осанистый, серьёзный, настоящий глава семьи и рода. Плотного телосложения, коренастый. Это от него у нас в родове широкая кость и серьёзность в мыслях. Это от него к нам перешло упорство в работе и жизни, неизменяемость идеалов и тяжёлый характер.

Когда я работала в районной газете, много ездила по району. В одной из поездок я попала в Соколовку, где должна была выполнить задание редакции – написать о местном ветеране труда. Поговорила, записала его рассказ, а потом разговорилась с его женой. Тётя Маруся Лукашенко была детской подругой моей матери и в разговоре упомянула, что помнит моего деда. А когда я спросила, какой он был, она сказала:

- А вот посмотри на своего брата Сергея Сергеевича, он вылитый твой дед.

Вот уже много лет я помню эти слова, и мне совсем нетрудно представить своего деда, который «вылитый» мой брат Сергей, ставший главой солидного ответвления от нашего общего семейного дерева. Лобастый, упрямый, всегда и на всё имеющий свою точку зрения, не принимающий возражений, хотя иногда неожиданно смягчающийся и тогда даже милый.

Таким, получается, был и наш дед.

Другое дело – бабушка Ганна. Родом из Ковелей, тоже соколовских переселенцев, она полностью была отражением их скромности, хороших, терпеливых, даже чересчур терпеливых ковелевских характеров. Если судить по фотографии, у бабушки Ганны красивое, буквально иконописное лицо, она рядом с дедом, как вербочка рядом с кедром.

С Тресковскими жила мать Павла Мария, полька по национальности, слабо знавшая русский язык. Вообще их фамилия в родном написании звучала – Трасковские, даже Тршасковские, но уже потом «для красоты», получила руссифицированное написание – Тресковские и, соответственно, деревенское прозвище Трескуны.

Тётка Ольга помнит, как польская бабушка рассказывала им сказки, путая русские, польские и белорусские слова, из-за чего дети бабушкины сказки понимали мало, но слушали с упоением эту непонятную речь.

А вот бабу Матрёну, мать своей бабушки Ганны, то есть свою прабабу, я помню, как это ни странно, довольно хорошо. Она со своей дочерью Настей, соответственно – родной сестрой бабушки Ганны, жила сравнительно далеко от нас, в одном из тех домов барачного типа, которые строились для переселенцев на первое время. Это была низкая изба, в комнате поменьше была печь и кухонный стол, в большой комнате на кровати сидела большая, очень полная, какая-то вся распухшая, очень старая, под сотню лет женщина. К этому времени давным-давно не было в живых её дочери Ганны, её зятя Павла, внука Ивана. Но она была уже так стара, что вряд ли её что-то волновало. Старая женщина улыбалась, невнятно отвечала на слова моей матери, которая принесла ей какие-то постряпушки и другую еду.

Это был единственный раз, когда мать брала меня к своей бабушке, моей прабабушке. У меня ещё тогда сложилось впечатление, что большой любви там нет ни у бабушки к внукам, ни у внуков к бабушке. Уже потом, много лет спустя, я поняла, в чём было дело. Скорее всего, в тяжкую для дочери Ганны годину её пожилая мать не смогла помочь этой семье. То ли у самих никаких сил и средств не было, то ли испугались кары государства, которая могла наступить за оказание помощи раскулаченным.

Как я теперь понимаю, отторжение пострадавшей от раскулачки семьи моего деда и бабки произошло по обоим названным причинам, хотя боязнь осуждения за связь с раскулаченными была на первом месте.

Могу подтвердить это тем, что уже когда мы, то есть семья Данковых, жили в Соколовке, когда шли пятидесятые годы, когда уже началась так называемая «оттепель», некоторые сельские дети обидно обзывали меня, свою же одноклассницу и отличницу, кулачкой.

Деревенский остракизм – вещь страшная.

... «Тихая вербочка» Ганна Никитична родила целый выводок Тресковских. Мой дед своих детей назвал именами царственными: Иван, Пётр, Николай – как российские цари, Ольга и Татьяна – как дочери последнего императора, одна только Елена выбилась из этого ряда. Ещё была Мария, которая умерла в детстве. Мария была названа как мать Николая Второго императрица Мария Федоровна.

Тётка Ольга говорила, что Мария все время сидела у окна, куда её садили в кресло, а потом умерла. Думаю, у девочки был ДЦП, потому что тётка Ольга говорила, что она такой родилась.

Кроме Ивана и, естественно, Марии, я знала их всех. Все, как один, были красивые люди. Все, как один, были люди умные и достойные, работающие и честные.

Их судьбы сложились по-разному.

Иван Павлович Тресковский

Невыносимо трагической оказалась судьба Ивана Тресковского, старшего сына Павла и Ганны. Он был единственным ребёнком, с которым супруги Тресковские приехали в сибирское село. Остальные родились уже в Соколовке. Если судить по имеющимся у меня данным, Иван был умным, образованным и толковым человеком, пользовавшимся таким же авторитетом в селе, как и его отец.

Недавно в районной газете «Победа» была опубликована подборка материалов из Нижнеингашского архива о деревне Соколовке 30-годов XX века. В частности, здесь была приведена выписка из протокола заседания сельсовета 1932 года о выборе сельсудьи. В этом протоколе говорится, что в число народных заседателей входит Тресковский Иван. Значит, в деревне он пользовался большим уважением.

И молодая его жена была ему под стать. Как следует из той же публикации, в марте 1930 года в списке жителей Соколовки, выбранных в сельский Совет, числится жена Ивана – Тресковская Пелагея Васильевна.

Интересная судьба у этого состава сельсовета. Выборы прошли в марте 1930 года, а уже в августе того же года состоялись перевыборы. Вот как говорится в протоколе по этому поводу: «РИК (райисполком) не утвердил прошедшие выборы, так как в сельсовет попали все зажиточные крестьяне, то есть верхушка села». По этой причине и были назначены перевыборы.

Но нам-то интересен тот факт, что сначала соколовцы избрали зажиточных, крепких хозяев, которые пользовались бесспорным уважением. И это было естественно, поскольку зажиточность не падала на людей с неба, она зарабатывалась невероятным трудом, большим прилежанием и сообразительностью в крестьянском труде. Но их переизбрали, выбрали батраков, середняков, бедняков и одного члена ВЛКСМ (комсомола).

И начала советская власть ждать-пожидать высоких результатов сельскохозяйственного производства от своих назначенцев! И ждала напрасно многие-многие годы...

В 1991 году я, будучи корреспондентом краевой газеты «Красноярские профсоюзы», поехала писать о проблемах Канского краеведческого музея, который в то время, в разгар перестройки, выселяли из здания бывшей церкви. И в музее увидела портрет с подписью: «Тресковский Иван Павлович, первый тракторист села Соколовка Нижнеингашского района. Репрессирован в 1933 году».

Я стояла, как громом поражённая. Не выдержала, заплакала, и это были не столько слезы скорби, сколько слёзы гнева. Оказывается, Иван Павлович, мой дядька, старший брат моей мамы, был первым соколовским трактористом, а совсем не та женщина, которую власти официально объявили таковой. А я про эту женщину писала, воспевала её, хотя в

Соколовке многие знали, что это неправда. Но молчали и соглашались с ложью.

Так у моего дядьки Ивана, умного, толкового, уважаемого, отняли не только жизнь, но и доброе имя, славу, приписав её «нужному человеку». Дело в том, что в то время в советской стране было движение по организации женских тракторных бригад, начало которому положила знаменитая в ту пору Паша Ангелина, организовавшая такую бригаду в 1933 году. Понятно, что партия потребовала появления таких «Паш» в каждом селе, и вот ради поддержки этого почина отняли звание первого тракториста у моего несчастного дядьки.

А в Соколовке появилась последовательница Паши Ангелиной, объявленная «первым трактористом» села. Эта женщина ни в чём не была виновата ни перед моим дядькой, ни перед своей совестью, её назначили первой, не спросив. Да и была она первой – но вот только первой женщиной-трактористкой, а не первым трактористом.

Такое было время, и такими становились люди. Потому что всем надо было выжить, и выжить хотели все.

Отступление следующее: первой сгорела церковь...

Людей меняла жизнь, и как тут их обвинишь в чём-то несправедном, в каких-то неприглядных поступках. Меняясь под натиском и гнетом жизни, под её непонятными требованиями, люди менялись не в лучшую сторону.

Меня всегда поражало, что в нашей деревне регулярно горели общественные здания, причём самые необходимые для человека. Так, первой сгорела церковь. Спустя годы, уже в 1956 году, на месте сгоревшей церкви построили школу. Одноэтажная, но очень красивая, какая-то домашняя, из светлого дерева, с небольшими уютными классами и огромными окнами. Строители, закончив возводить её, даже с парадного входа устроили небольшой сквер, насадили деревца акации и сделали клумбы. Пожалуйста, добро пожаловать!

Но «жаловали» ученики и учителя с заднего крыльца, не очень обустроенного. Такая была мода – нечего пакостить парадный вход!

А через десять лет после постройки школа сгорела.

Построили новую, двухэтажную, деревянную, а потом несколько поодаль – ещё более новую, кирпичную. Пока всё цело.

Клубу повезло меньше, чем школе – он горел дважды, теперь стоит отстроенный в третий раз. При этом, что интересно, частные дома горели настолько редко, что можно сказать – и вовсе не горели, потому что это же своё, собственное!

Соколовка, Соколовка, жестокая моя родина...

Иван Павлович Тресковский с семьёй оказался в краевом центре, когда стала реальной угрозой раскулачивания. С 1928 года, когда был объявлен курс на коллективизацию, семья моего деда покоя уже не знала...

Как видно из той же архивной публикации районной газеты, в марте 1932 года Иван ещё жил в деревне, но вскоре уехал с семьёй в Красноярск. Сам Иван устроился механиком на судоремонтный завод, семье дали комнату в бараке. Жизнь могла бы наладиться хотя бы уже потому, что руки у Ивана были золотые и характер трудолюбивый, но в 1933 году Иван был обвинён в троцкизме и репрессирован.

В нашей семье долго считалось, что Иван Тресковский был вместе с другими политзаключёнными отправлен на барже по Енисею на Север, умер во время этапирования и был выброшен, как и другие несчастные, в воды реки. Но уже много позже, в начале 2000-х годов, Валя, единственная дочь Ивана Тресковского, затребовала сведения о своём отце. Оказалось, что он был расстрелян сразу же после ареста в Красноярске, около стены железнодорожного депо.

До самых своих последних дней его дочь Валя свято хранила память об отце и страдала о его судьбе. В 1936 году Пелагея, её мать, вышла замуж за хорошего человека Бычкова, ставшего Вале отцом. У Пелагеи (мы её звали Полей, тётей Полей) и её мужа родился сын Владимир, который был очень образованным человеком, преподавал в Красноярском политехническом институте, недавно (в 2014 году) он умер от онкологии.

Мои отец и мать крепко роднились с Валею, по мужу Зыковой, и её семьёй. Валины дочери Надя и Ольга – красивые, толковые, умные, добившиеся в жизни прочного положения. Надя – педагог, работает в центре поддержки семьи в Красноярске, Ольга – детский врач, долгое время работает в краевой администрации специалистом по здравоохранению, у них взрослые дети.

Затем по старшинству в семье Тресковских шла Ольга Павловна, старшая из сестер. Это особая, трагическая женская судьба, о ней позже и отдельно, с огромной любовью и благодарностью.

Елена Павловна Тресковская

Елена Тресковская, третья по старшинству, после раскулачки в возрасте четырнадцати лет уехала на Дальний Восток. Это были годы, когда по призыву легендарной советской лётчицы Гризодубовой девушки ехали на Дальний Восток для освоения этих территорий. Тётка Ольга рассказывала, что долгое время от Лены не было никаких сообщений, и только после Отечественной войны (!) стали идти первые письма. Елена вышла замуж в семнадцать лет за начальника погранзаставы Славянка Ивана Фёдоровича Виноградова и прожила с ним долгую и счастливую семейную жизнь.

Славянка - это была застава и морской пункт пропуска.

Елена Павловна имела с мужем двух замечательных дочерей – Розу и Нину, ставших инженерами-строителями в городе Владивостоке.

Я всегда восхищалась тётёй Леной, её смелостью и жизненной стойкостью, быстротой, с которой она принимала решения, всегда оказывавшиеся удачными. Только подумать – она уехала из Соколовки в четырнадцать лет, по нынешним временам – будучи подростком. Но дело не только в возрасте. Лена уехала в никуда из семьи, которая была разрушена раскулачиванием. Когда уже не стало ни отца, ни матери, когда был отобран родной дом, а все заботы о семье легли на плечи девятнадцатилетней Ольги...

Но Елена не пропала. Она построила семью и свою судьбу, хотя никто не знает, какой ценой ей это досталось.

Этой женщине было присуще мастерство буквально во всём. Она шила модные женские платья, причём делала это так же легко, как легко ходила, разговаривала, смеялась. Помню, когда я была студенткой и добиралась из Красноярска домой в Ингаш с пересадками (по причине отсутствия мест в поездах), забежала к Виноградовым, а они тогда некоторое время жили в Иланске. И тётя Лена за полтора часа отгрохала мне потрясающее платье в подарок!

Она удивительно умела готовить. Именно она научила меня варить борщ без мяса, чем я потом поражала своих знакомых.

Тётя Лена была одной из первых в стране челночниц, точнее, перекупщиц, а ещё точнее – рыночниц. Живя во Владивостоке, большом портовом городе, она скупала у моряков, пришедших из загранки, самые разные товары, например, мохеровую пряжу, а потом перепродавала на городском рынке. Естественно, с хорошим наваром.

Красивая, статная, натуральная блондинка – такой была тётя Лена, на которую похожа её младшая дочь Нина. Из нас, четверых Данковых, на неё сильно похожа моя сестра Шура, а также Наташа и Ольга Тресковские, дочери Николая Павловича Тресковского. К этой же группе относится и наш красавец дядя Петя Тресковский. Насколько я понимаю, это линия бабушки-полячки Марии.

Немного отступив, замечу, что мою сестру Шуру в школе дразнили панночкой – за синие глаза, белокурые кудрявые волосы, изумительную фигуру, ноги с тонкой щиколоткой.

По линии Ковелей в нашей родове лица иконописные, простые, спокойные. Это лица моей матери Татьяны Павловны и её сестры Ольги Павловны, их брата Николая Павловича, я тоже похожа на свою мать. Но и дед Павел наложил свои черты на всех перечисленных, хотя больше всех на деда Павла похож мой брат Сергей. Наш младший брат Геннадий – это копия нашего отца Сергея Константиновича Данкова, от отца немного взято и мной.

Но вернёмся к Елене Павловне, тётё Лене.

Несколько лет назад в Нижний Ингаш приезжала дочь тёти Лены Нина Смирнова (Виноградова в девичестве) с внуком Игорем. Была

замечательная встреча, после которой мы с ней и Натальей Тресковской съездили в гости к Вале Зыковой (Тресковской, дочери Ивана), которая жила в то время в великолепной квартире на Взлётке с дочерью Ольгой. Ольгу мы несколько испугали и насмешили, когда встали втроём на пороге и сказали:

- Здравствуйте, мы ваши тётки!

Посмеялись, пообнимались, посмотрели фотографии. Это была первая и, видимо, последняя встреча в таком составе нас, дочерей Елены, Татьяны, Николая Тресковских, двоюродных сестёр и прямых внушек Павла Яковлевича, основателя рода Тресковских в Сибири.

Время неумолимо и безжалостно, уже трудно даже шустрой и лёгкой на ногу Наталье поехать на Восток, не говоря уже обо мне, да и Нина вряд ли ещё когда-нибудь выберется в Сибирь...

А Валя Тресковская (Зыкова), единственная дочь Ивана Павловича Тресковского, недавно умерла.

Петр Павлович Тресковский

Пётр Тресковский – второй сын (после Ивана) Павла Тресковского. Боевой офицер Советской Армии, он прошёл со своей частью до Берлина, был штабным офицером.

Из наших Данковых второго поколения (если первым поколением считать мать и отца) я, наверное, одна помню его приезд к нам в Соколовку. Это был 1956 год, лето. Он привёз много подарков, среди которых самым используемым и полезным был патефон в синем футляре, вместе с несколькими пластинками. Это были в основном вальсы, а главным был вальс Штрауса «Ам шонен блауен Донау» («На прекрасном голубом Дунае»).

Отступление о немецкой пластинке

... Когда дядя Петя перевёл название, я сразу почувствовала очарование чужого языка и интерес к немецкому. И как будто в тот момент пришло понимание этого языка, его красоты и чёткости. Это было удивительно и непонятно, тем более что с самого раннего детства мы, дети, знали внушённый нам отцом-фронтовиком девиз: «Немцам мы отрубим жопу». Такой солдатский юмор, но мы его воспринимали, как правило жизни.

И тут – немецкий вальс, с загадочным и красивым названием. Именно оттуда ко мне пришел интерес к немецкому языку, следствием чего стало как будто врождённое знание его. И в школе, и в институте проблем с немецким у меня не было. А когда сдавала промежуточный госэкзамен по немецкому после второго года обучения на филфаке, достался для перевода кусок текста о современных художниках, и я перевела его с листа без подготовки и получила пятёрку.

Сейчас я думаю: какая иногда ерунда становится важным моментом

жизни! Какой-то патефон, какой-то немецкий вальс...

Но дядя Петя и сам по себе, без шикарного патефона, был нездешним и загадочным. В военной форме, подтянутый, кудрявый, красивый, неженатый, одаривший семью своих сестёр (с нами тогда жила тётка Ольга) и брата Николая абсолютно фантастическими и во многом ненужными европейскими вещами. Это были: губные гармоники, набор ложек, вилок и ножей из позолоченного металла. Как-то быстренько они все облезли, и их выкинули из обихода.

...Сама жизнь правит и дополняет мои строки. На днях моя двоюродная сестра Наталья Ушакова (Тресковская) рассказала, что её отец долгое время играл на этой немецкой губной гармошке.

Были и детские вещи, из которых мне достались клетчатые башмачки из мягкого сукна на застёжках-скобочках. А ещё он привез две пары туфель на каблуках.

О, эти туфли! Одна пара – из зелёной замши, на очень высоком каблуке, ремешок через подъём ступни. Другая пара – из чёрной кожи, а впереди фигурные вырезы. И тоже каблук. Носить эту шикарную обувь ни нашей матери, ни тётке Ольге было негде, и обувь была заброшена на чердак. Каждое лето мы с сестрой снимали этот шик с чердака и, выламывая ноги, ходили в них по двору. И мечтали, мечтали о какой-то иной жизни, не соображая толком, откуда она возьмётся и когда прибудет в наше село.

Дядя Петя был человек-праздник. За то время, когда он гостил у нас тем летом, много девичьих голов вскружил мой красавец-дядька. Уже в начале 2000-х, на ингашском рынке, меня остановила пожилая женщина и спросила, знаю ли я что-нибудь о своем дядьке Петре. Я рассказала ей всё, что знала, о его жизни, семье, работе, а потом спросила, почему она интересуется им. Она страшно засмушалась, а потом сказала, что в молодости встречалась с ним, любила и помнила всю жизнь.

А самого его привязала к себе до конца жизни украинка Зоя с Днепропетровщины, где он и остался жить в городке Славгород Синельниковского района. Они родили двоих детей – Ангелину и Сашу. Дядя выучился, стал учителем физкультуры, и когда умирал уже пожилым человеком с огромным стажем работы в школе, его провожали ученики, искренне печалившиеся по своему учителю.

Его жена была преподавателем русского языка и литературы.

Долгое время, пока уже не наладилось мало-мальски снабжение фруктами в Сибири, дядя Петя и его жена отправляли нам каждое лето яблоки из своего сада. Фрукты доходили плохо, сгнивали наполовину, но было радостно вдыхать чудесный яблочный запах, который источали эти посылки.

Помню, когда получали и раскрывали эти волшебные, эти душистые фанерные ящички, присланные из далёкой украинской дали, нам, детям, доставались уцелевшие яблоки, а мать ела подгнившие и говорила, что

такие ей нравятся больше. Мы, дураки, верили. И только много позже, когда мы уже повзрослели, до нас дошло, почему она позволяла себе съесть только гнилое яблоко. Чтобы больше доставалось детям.

...

Отступление не только про яблоки...

Снова позволю себе небольшое отступление.

В настоящее время, когда пишутся эти строки, у России сложились исключительно тяжёлые отношения со многими молодыми странами, которые ранее входили в состав Российской империи и потом – Советского Союза. Именно они, никогда раньше даже не думавшие выйти из состава огромной страны, много лет жившие за счёт России, вдруг почувствовали себя обобранными. И кем? Россией.

Той Россией, которая в первую очередь уделяла внимание и средства братским республикам. Прибалтике – потому что она Европа, у них высокий уровень культуры, и этот уровень надо сохранять, поэтому им надо больше средств. Азиатским республикам – потому что их граждан надо было учить, выводить даже не из крепостного, а родового строя.

И что же получила Россия в ответ?

С огромной горечью мы видим, что именно она получила. Вполне возможно, что когда-то всё уляжется, и мы снова будем дружить. Но людям моего поколения никогда не забыть, что Россия долгие годы, как мать, фигурально выражаясь, «ела гнилые яблоки», чтобы малым республикам достались яблоки целые!..

Как негоже сейчас забывать об этом, и как же наказаны будут те, кто кланут сейчас Россию.

И какое счастье, что, мы, дети, очень рано поняли, почему наша мать вдруг полюбила есть яблоки с гнильцой. И опять же, какое счастье, что в свои последние годы она имела возможность есть яблок вдоволь, причём яблоки хорошие, спелые, которые и она сама, и мы покупали ей постоянно...

Тётя Зоя сообщила о смерти дяди Петра, когда и наша мать была уже накануне своего последнего часа. Мы в тот день собрались, помянули дядю Петю и тётю Лену, незадолго до этого ушедшую из жизни.

Больше писем с Украины не было. Думаю, наши двоюродные брат и сестра, тем более их дети, не захотели поддерживать связи с сибирской роднёй. А теперь, наверно, об этом и вообще говорить не приходится.

Далее по старшинству идёт моя мать – Татьяна Павловна Данкова, урождённая Тресковская. Но о ней, как и о тётке Ольге и Николае Павловиче, самом младшем Тресковском – позже. Сначала - о времени раскулачивания, которое убило наших деда и бабушку, нарушило

спокойный ход жизни моей матери, её братьев и сестёр. Раскулачивание перевернуло и изменило их жизнь.

«Раскулачка»

Раскулачиванием в той далёкой теперь уже стране - Советском Союзе - называлась ликвидация хозяйств кулаков и высылка их в отдалённые, малопригодные для жизни районы, в середине 1930-х годов XX века. Раскулачивание, как говорится в современных справочниках и учебниках, применялось в ответ на сопротивление крестьянства против коллективизации. Кулаком советская власть могла объявить любого крестьянина, выступающего против коллективизации. Имущество кулака передавалось колхозу. Решение о раскулачивании имели право принимать местные советские и партийные руководители при участии бедняцкого «актива».

Лидеры местной бедноты были заинтересованы в увеличении числа раскулаченных, так как бедняки получали долю имущества выселяемых. Поэтому под раскулачивание часто попадали не только зажиточные крестьяне, но и середняки и даже бедняки, которых в этом случае называли «подкулачниками», то есть сторонниками кулаков.

Всего на спецпоселение было отправлено около двух миллионов человек. Среди этих неисчислимых масс народа был и наш дед Павел Яковлевич Тресковский.

Массы раскулаченных превращались в бесплатную рабочую силу, направляющуюся на стройки первых пятилеток. Поэтому государство было также заинтересовано в увеличении числа раскулаченных.

Ну что скажешь, буквально все были заинтересованы в «раскулачке»! Вот только самих раскулачиваемых, несчастных людей, трудолюбивых на свою беду, не спросили, хотят ли они участвовать в этом жестоком эксперименте власти!..

И каков же результат?

Вот опять из учебника: «Раскулачивание вызвало разорение наиболее продуктивных хозяйств, резкое падение сельскохозяйственного производства, гибель более 400 тысяч человек».

А теперь уже из жизни: раскулачивание отдалось таким эхом в провале всего сельскохозяйственного производства в стране, который не заделан ещё и поныне. Люди получили наглядный урок: если будешь работать, вытягивая из себя жилы, и какого-то достатка этим трудом добьёшься – тебе с этим достатком все равно не жить, все нажитое отберут, а самого убьют или сошлют.

Это во-первых.

Во-вторых, в те годы с сельского хозяйствования «сняли» самый активный, самый плодотворный «слой» хозяев. А ведь этот слой формируется годами и поколениями. Неудивительно, что со времен «раскулачки» истинного хозяина на русской земле не было...

Во всех сёлах нашего района раскулачивание началось в 1929-1930 годах, одновременно стали создаваться колхозы.

Нашего деда Павла Тресковского, у которого было большое хозяйство, уже и первый сын Иван женился, отошёл от отцовского дома на свою усадьбу, раскулачили в числе первых.

Долгие годы спустя, работая в районной газете, я пыталась выяснить у земляков-соколовцев, почему с ним так поступили. Ведь и хозяйство, и дом с постройками – всё было создано трудом большой семьи. Оказалось, что причин было две. Одна причина, о которой старики сказали, что «Яковлевича раскулачили за язык». В этом не было ничего удивительного – не мог разумный, самостоятельный хозяин, к мнению которого прислушивались в селе, приветствовать коллективизацию. Ну, и высказывал откровенно своё мнение...

Другая причина не носила идеологического оттенка. Просто большой дом Тресковских приглянулся председателю Совета, который сказал прямо:

- Ты мне, Трескун, отдай свой дом, а, так уж и быть, тебе отдам свою избу. Не хочешь добровольно – сделаем по-другому, но тогда ты потеряешь всё. Этим председателем был, избранный в 1928 году, некий Демьян Фираго, по социальному статусу бедняк. Это имя у меня на слуху с детских лет, потому что его с лютой ненавистью упоминали моя мать и тётка Ольга, этой ненависти не скрывавшие. Мой дед, естественно, не мог добровольно отдать то, что ему было дорого, что досталось великим трудом, и поплатился «раскулачкой». В 1931 году Павел Яковлевич Тресковский был арестован сотрудниками ОГПУ по заявлению председателя Соколовского сельсовета Фираго...

Трагическая судьба выпала моему деду. Но и сам Фираго закончил свой руководящий путь с позором, хотя и председательствовал около десяти лет. Вот результаты его труда – по той же бесценной газетной публикации.

В 1937 году Фираго отчитывался о результатах работы сельсовета за 1936 года. По отчёту ему задавались вопросы. Был такой вопрос: почему до сего времени не собрана задолженность 1936 года?

Ответ: задолженность осталась только за теми, которые ничего не имеют в своём хозяйстве.

Если учесть, что налоги уже не сдавались с земельных участков, потому что они к тому времени были реквизированы в колхозную собственность, а брались со скота, с домашней птицы, то вывод печальный: выдвигенцы дохозяйничались до того, что у какой-то части сельчан не было в хозяйствах вообще ничего!

Кроме задолженности...

Еще один интересный вопрос был задан председателю: почему у нас нет прироста лошадей? Ответ был дан ещё более интересный: потому что плохой за ними уход, и плохо мы их бережём.

А с чего они взяли, дорогие начальники тех баснословных лет, что новоявленные колхозники будут беречь кулацких лошадей, да ещё хорошо

ухаживать за ними?! Они же, эти кони, теперь стали общие, то есть неизвестно чьи! По большому счёту – ничьи!

Конец правления председателя Фираго был весьма плачевным: 26 февраля 1938 года он был снят с должности постановлением райисполкома за то, что «за время работы председатель т. Фираго развалил работу сельсовета».

Но что было от этого семье нашего деда, когда дом был отнят, а глава семьи сослан!..

Это ещё можно удивляться «благородству» негодяя Фираго, всё человеческое достоинство которого заключалось в его бедности, – всё-таки свою избёнку, сложенную из тонких брёвнышек, чуть ли не из кольев, и без всяких надворных построек, он взамен богатого дедова дома отдал оставшимся без отца детям сосланного и его жене! Этот домишко на дальней улице, прозванной в народе Собачьей слободой, и стал больше, чем на двадцать лет, пристанищем для семьи Тресковских.

Судьба старшего Тресковского, основателя нашего рода, сложилась так, как только и могла сложиться в то время и в тех условиях, то есть тяжело. Павел Яковлевич был сослан в Инту, посёлок в Коми, который расположен всего в пятидесяти километрах южнее Северного полярного круга. А ещё говорят, что дальше Сибири не сошлют! Ссылали всё-таки и дальше Сибири. Страна-то наша большая, много в ней мест, куда человека можно послать подальше...

Сейчас в Инту летают самолеты, и живут там около пятидесяти тысяч человек. А в то время, когда ссылали политических заключенных, это был небольшой посёлок, центр Интинского лагеря.

Наш дед оказался в Интинском лагере ещё в 1932 году. Он был, по нынешним меркам, далеко не старым человеком. Если Иван, старший сын, только-только женился и обзавёлся дочкой, то деду Павлу явно было около пятидесяти лет. Это был настолько достойный человек, настолько ответственный и самостоятельный, что начальник Интинского лагеря назначил его воспитателем своих малолетних детей.

Но даже такое «блатное» место отбывания наказания не спасло Павла Яковлевича от тяжёлой болезни, из-за которой он и был отпущен на родину, к семье. Остаётся только догадываться, что это была за болезнь. Возможно, онкология, возможно – туберкулёз. И, скорее всего это был туберкулёз, который из-за сильных переживаний, из-за позора, которым заканчивалась его трудовая, честнейшая жизнь, из-за тоски по семье, беспокойства за детей и жену, оставшихся без дома и средств к существованию, принял тяжёлую и быстротечную форму.

Наш дед Павел Яковлевич был отпущен, уже полуживой, к семье спустя сравнительно недолгое время пребывания в лагере. Он вернулся в Соколовку ранней весной 1934 года и сразу решил начать обустройство негодящей избёнки, в которой теперь жила его семья. Они с женой, взяв у кого-то лошадь, поехали в лес, чтобы вырубить бревна для постройки хоть каких-то сараев и стоек – у лодыря Фираго, кроме избёнки и дощатого

дровяника, на усадьбе не было ничего.

Весенний лес у нас в Сибири коварен невероятно. Когда дед с бабушкой везли срубленные брёвна, лошадь вместе с санями попала в промоину под снегом. Вытаскивая повозку с грузом, они промокли до костей. Лес привезли, сгрузили, запланировали что-то построить. Но эта поездка для деда оказалась роковой: он слишком сильно застыл, слёг и в начале лета умер.

Я пишу – «в начале лета» - по следующим соображениям.

Мамина подруга детства тётя Маруся Лукашенко рассказывала, что к ним приходила моя мать за капустой. Деревенские люди знают, что такое квашеная капуста в начале лета – это практически несъедобное месиво, которое годится только на корм скотине. Скотине и отдают старую капусту. Но несчастной семье нечего было поставить на поминальный стол, и тётка Ольга, старшая сестра моей матери, послала её к хорошим знакомым за этой капустой.

Тетя Маруся рассказывала:

- Твоя мама пришла босиком, непричёсанная, а у неё были кудри, и они торчали во все стороны. Мои родители наложили ей миску капусты, и она ушла.

Здесь придётся сказать вот о чём.

Наша мама, Татьяна Павловна Данкова, в девичестве Тресковская, была человеком непростым. Как все Тресковские, упрямая, мнения своего она не меняла никогда и никогда никому «не заглядывала в задницу». Эти слова характеризуют её как нельзя лучше.

Случалось нам, детям, ругаться с ней, пытаться в чём-то переубедить, хотя это было и бесполезно. Но она, выросшая в сиротстве, нищете и обиде, не могла быть другой.

Мне тоже приходилось получать от матери за дело и без дела. Но когда я обижалась на неё, как-то сразу вспоминала рассказ тётки Маруси Лукашенко и представляла: вот идёт моя мама, ещё совсем маленькая девочка, босая и непричёсанная, за старой квашеной капустой, которую впору только свиньям и есть. А в домишке, из-за большой несправедливости ставшей для её семьи местом обитания вместо их родного гнезда, лежит в гробу отец.

И никакой надежды хоть на что-то хорошее жизнь ей не обещает!

Стоило мне представить мою маму этим несчастным ребёнком, как мои обиды моментально гасли, а сердце заполняла жалость к ней.

... Но беда не приходит одна. Так было и с семьёй Тресковских: вслед за мужем сразу ушла на тот свет и жена, Ганна Никитична. Она не отличалась крепким здоровьем, родила семерых детей одного за другим, да ещё делала всю тяжёлую сельскую работу наравне с мужем. Её жизненные силы были непоправимо подорваны гибелью сына, ссылкой и смертью мужа, утратой всего нажитого огромным трудом семьи. Сыграло свою роль и унижение, которому подверглась эта трудовая, дружная и честная семья.

Ольга Павловна Тресковская

И наступил момент, когда от всей большой семьи остались четверо детей, мал-мала меньше – Елена, Татьяна, Пётр и Николай. Самой старшей – тринадцать, младшему – три года. Остались они сиротами, в чужой избёнке, с позорным клеймом детей раскулаченных «врагов народа», без средств к существованию. Помочь им не мог никто...

Я уже рассказывала, как отнеслась к трагедии своей старшей дочери её мать, бабушка несчастных детей. Даже она, родная душа, побоялась если не помочь сиротам, то хотя бы пожалеть и приласкать! Что уж говорить о чужих людях, односельчанах, которые и сами в эти страшные, непредсказуемые времена поголовно жили в нищете и страхе...

Старшая, недавно вышедшая замуж сестра Ольга Павловна, впоследствии наша любимая тётка Ольга, просила разрешения своего мужа Николая Корсуна забрать детей и воспитывать их как своих, тем более что в молодой семье детей ещё не было. Надо знать тётку Ольгу, чтобы представить, как она, гордая, самостоятельная, красивая, знающая цену себе и своей семье, унижалась перед мужем, как она просила его хотя бы помогать детям куском хлеба!

Но Николай сказал как отрезал:

- Твои выблядки мне не нужны!

Многое сошлось в это время в судьбах нашей родни. И история страны, и менталитет людей того времени, и всеобщая, какая-то ужасающая нищета.

Ольга выходила замуж не просто за Николая Корсуна – она вошла в большую семью хохлов, которые все без исключения были крепкими, зажиточными хозяевами. Такой была и семья Ольгиного жениха. В Соколовке тех лет такое замужество считалось крупным везением. К тому же Ольга дружила с сестрой Николая – Домной Корсун, по-деревенски Домахой Корсункой. Но и Домаха не могла повлиять на брата, Николай собрался и уехал на Дальний Восток, который в то время только начинали осваивать, поэтому хорошо платили переселенцам в эти далекие от Сибири, но, видимо, очень завлекательные края.

Наша тётка оказалась тогда перед страшным выбором – или потерять любимого мужа, но не пустить в горчайшее сиротство своих сестёр и братьев, будучи при этом счастливой женой и, возможно, матерью своим родным детям.

Да что там сиротство – брошенных детей ждали бы голод и смерть.

Ольга Павловна выбрала свою родню. Воспитанная в крепких традициях семьи, она не смогла её предать, оставить малых своих братьев и сестёр на гибель...

Она устроилась на колхозную ферму дояркой, что давало не столько заработок в виде трудодней, сколько возможность красть для детей молоко. Тётка впоследствии мне рассказывала, что она каждый раз, уходя

на дойку, привязывала бутылку к поясу юбки и прикрывала её фартуком. Ольга Павловна была полноватой, и из-за этого бутылка с молоком, налитым во время дойки, не была видна.

Страшно представить, если бы эти невинные, в общем-то, кражи, совершаемые из-за голода, вскрылись! Ведь молоко воровала не просто доярка, а женщина из раскулаченной семьи. Ушла бы, как миленькая, наша тётка по этапу вслед за отцом и братом...

Но есть всё-таки некое равновесие в мире, когда подлость наказывается, а добро и самопожертвование в какой-то мере бывают награждены. Хоть от иного «вознаграждения» радости нет ни в малой мере.

Летом 1957 года, через двадцать с лишним лет, в Соколовку приехал погостить бывший муж Николай. Приехал не только в гости, но и чтобы попросить у Ольги прощения, сказать, что любит её до сих пор.

Мне было тогда одиннадцать лет, я забежала в дом попить воды, в доме в тот момент не должно было быть никого – все разошлись по своим делам. И вдруг я услышала, как в дальней комнате наша тётка с кем-то разговаривает. Она разговаривала с Николаем, который уговаривал её уехать с ним на Дальний Восток, говорил, что любит и помнит. Вот только он не рассчитал тогда, в те давние годы, когда бросил свою молодую, красивую и толковую жену наедине со страшной бедой, что придёт время – и у его покинутой жены и её братьев и сестёр сложится хорошая жизнь, в которой места ему уже не будет.

Но Николай приезжал к Ольге и ещё раз, уже последний, когда они были близки к семидесятилетнему возрасту. Мы тогда жили в Нижнем Ингаше, но и там он нашёл свою любимую, брошенную им некогда жену, и снова уговаривал её уехать с ним. К тому времени Николай Корсун уже овдовел. Но тётка Ольга и на этот раз отвергла его просьбы. Иная бы бабёнка согласилась на уговоры, уехала с бывшим мужем и отомстила бы за всё – нашла бы слова и действия! Но наша тётка была благородным человеком и на такое не пошла.

Ольга Павловна, наша дорогая тётушка, была особенным человеком. Мало того, что она проявила невероятное благородство, воспитав детей вместо отца и матери. Но она пользовалась большим уважением в селе и за другое. К ней приходили посоветоваться женщины, в годы войны она ворожила на картах о судьбах ушедших на фронт. Но самое невероятное – она кое-что знала о том, как управлять собой, своими снами, как унять зубную боль.

Недавно моя двоюродная сестра Наташа Тресковская (Ушакова) рассказала, что её тетка Ольга научила читать заговор, снимающий зубную боль. Наталья говорит, что много раз пользовалась этим заговором, и всегда помогало.

Была однажды такая ситуация, когда нашей семье пришлось переехать из Нижнего Ингаша в Решёты, потому что нашего отца перевели туда на работу. Я тогда перешла в десятый класс с изучением немецкого языка, а в Решётах была в ту пору одиннадцатилетка с английским. И меня отправили

в родную Соколовку, заканчивать среднюю школу и жить у любимой моей тётки Ольги.

Вот тогда-то и объяснила она мне, что сны могут предсказывать будущие события, а чтобы избежать самого плохого, надо в своём сне находить окна и выход, если оказываешься вдруг в помещении, особенно в тесном и тёмном. Я пользовалась её советом постоянно, научилась во снах искать свет, окна, выходы. Это и в самом деле оказалось возможным.

Не знаю, насколько этот совет имеет реальную основу, но что он даёт хорошую установку спящему, что если найдёшь выход во сне, то найдёшь и в реальности, и такой сон понуждает мыслить позитивно – это точно.

Ещё один урок я получила от тётки, но о нём, она сказала, не надо болтать. Жизнь моя явно не будет бесконечной, поэтому, наверно, можно рассказать. Дело в следующем. Если кто-то в беде и просит помочь советом, подсказать, как обернётся дело, надо встать около этого человека и чётко осознать первое же чувство, которое при этом испытываешь. Что поймал – то и правда, то и будет. Если ничего страшного, то появляется или чувство покоя, или смех, или полное равнодушие, такое, как будто человека рядом просто нет. Если же впереди человека ждёт что-то плохое, появится тяжёлое чувство, что-то вроде паники.

Я пользовалась этим несколько раз. Однажды в 1990 году ко мне пришла моя хорошая знакомая и рассказала, что дочь уехала поступать в институт в Москву, и нет за десять последних дней ни звонка, ни телеграммы, ни письма. Сама не пойму зачем, но я села рядом с ней – и ничего не почувствовала вообще, во мне как будто всё замерло. Я ей сказала: «Не беспокойся, все у неё в порядке». Назавтра с утра моя подруга прибежала ко мне на работу и сказала, что дочь прислала телеграмму, она поступила, да не куда-нибудь, а во ВГИК, а не сообщала ничего, потому что не хотела спугнуть удачу.

Ещё раз было: меня попросил один человек, немного знавший о такой моей способности, предугадать, как пройдёт операция. Мы сидели с ним на крылечке рядом, и на меня вдруг напал смех, и единственное, что я могла сказать: «Тебе надо после операции как можно раньше выходить на работу». Он даже рассердился и сказал: «Я же тебя спрашиваю, как пройдёт операция», но меня словно заклинило, и я снова и снова повторяла, что ему нужно будет пораньше выйти на работу.

К счастью, у него всё прошло удачно, он жив-здоров до сих пор и даже, по-моему, ещё работает.

Мало кто знал о такой моей способности, а я сама даже стеснялась, до тех пор, пока не нашла в учебнике психологии такое понятие, как эмпатия, и всё стало ясно. Оказалось, что это такая способность личности к постижению внутреннего эмоционального и физического состояния другого человека посредством точной оценки этого состояния, направленности личности и рефлексии. Вот такое сложное определение из учебника, которое моя умница тётка Ольга освоила сама, а может, получила от своей бабушки.

Более того, в учебнике было написано, что эмпатия может быть

существенно развита. Так что никакого особого секрета здесь нет, всё исходит от особенностей психики человека, и тётка моя это знала из опыта своей жизни и опыта предков.

А я, краешком сознания прикоснувшись к этой способности, только под старость лет поняла, почему у меня так тяжело складываются отношения с некоторыми людьми, вплоть до полного отторжения: иного человека «прочитаешь» - и жить не хочется. А с другими отношения выстраиваются до глубочайшего понимания и нежности.

Такой и тётка моя была, непростая наша Ольга Павловна. Но стоит сказать, что никогда наша Ольга Павловна не занималась тем, что называется чёрной магией.

... Спустя двенадцать лет после того, как Ольга Павловна стала опекать своих братьев и сестёр, в Соколовку в 1946 году вернулась с войны её сестра Татьяна Павловна, наша мать, с мужем, нашим будущим отцом. К этому времени уже построила своё счастье на Дальнем Востоке Елена, успешно прошёл всю войну Пётр, стал симпатичным молодым парнем самый младший – Николай. Собственно, в маленькой избушке на Собачьей слободе на тот момент уже остались только двое – Ольга и Николай Тресковские. В этой избушке в августе 1946 года суждено было родиться и мне, автору этих воспоминаний.

Могла родиться и в другом месте – например, в воинском эшелоне, который шёл с Дальнего Востока после окончания войны с Японией, или в посёлке Нижний Ингаш. Дело в том, что наши родители – Данковы Сергей Константинович и Татьяна Павловна – были военнослужащими и к моменту моего рождения демобилизовались. Ехали, как было решено ими, в деревню Соколовку, родину моей матери. Эшелон на станции Ингашская не должен был останавливаться, но мой отец упрямил машинистов, видимо, путём уплаты самой ходовой русской валюты всех времен и политических режимов – водки, и машинисты приостановили поезд на краткое время. Выгрузили багаж, это был деревянный сундук с пожитками молодой семьи, а потом мать прыгнула из вагона, будучи уже крепко на сносях.

В результате, пока отец нанял в Ингаше подводу, пока доехали до Соколовки по немыслимым дорогам того времени, у моей матери начались схватки. Когда приехали в Соколовку, Николаю как самому молодому пришлось бежать за фельдшерницей, она же была и акушеркой, и утром 17 августа родилась крикливая, не особенно красивая девочка, но зато с большой головой и вечной улыбкой – уже семидесятилетний автор этих строк.

Вернёмся к Ольге Павловне, нашей тётке Ольге, которую мы так и звали – тётка, а наш отец считал её тёщей и всегда при людях величал её по имени-отчеству, и только дома звал Ольгой.

Судьба Ольге Павловне выпала такая, которой не позавидуешь. Но она так честно, так трудолюбиво и терпеливо жила, что остаётся в нашей памяти как живая, - олицетворением доброты и семейного тепла.

Я так любила, когда мы жили в деревне, проснуться раньше всех, чтобы услышать, как наша тётя Оля возится на кухне, ставит тесто, и вот уже пошли по всему дому вкусные запахи, от которых просыпаются все домашние. Тем более что отцу пора на работу, а нам, детям, в школу. И каждое утро нас ждали такие завтраки, которые помнятся и до сих пор!

Дело в том, что у тётки Ольги был редкостный кулинарный дар. Она готовила так, как будто продукты ей поставляли с царского двора – так она умела сделать всё вкусно. Даже простая жареная картошка у неё была вкуснее, чем жарила наша мать или мы сами, когда уже выросли и обзавелись семьями. Потому что эта картошка на старой сковородке была ещё и красивой! Да у тётки Ольги любая еда получалась такой - красивой, вкусной, аппетитной.

Мы иногда нет-нет да и вспомним, как она умела готовить. Вот недавно я разговаривала с моей невесткой Валентиной Данковой, женой (к сожалению, вдовой) моего брата Сергея, и она рассказала, как её поражало умение нашей тётки готовить. Хотя и её мать готовила неплохо, и сама Валя, как и все мы, умеет накрыть стол, но тёткин кулинарный талант поразил Валю сразу, как она вошла в нашу семью.

Мы и до сих пор удивляемся, откуда был такой дар. Но дар – он и есть дар, он ниоткуда, с небес напрямую! В нашей семье все любят поесть и поэтому умеют готовить. Но Ольга Павловна, наша дорогая тётка, была и осталась мастером кулинарии, которого не превзошёл никто. Кроме того, она знала рецепты русских, но в основном белорусских и польских блюд, названия которых сейчас звучат как загадка. Затирка, клёцки, мачанья, кендюх, полевка...

Господи, как это всё было вкусно!

Но вкуснее всего были домашние колбасы, примерно такие, которые сейчас в магазинах называются сырокопчёными. Наша тётка и мать делали такие колбасы без копчения, они их вялили на сквознячке, который летом постоянно посвистывал в чулане, где хранились продукты. За исключением тех, что сохранялись в подвале, который был выкопан под навесом и по весне набивался льдом.

Эти колбаски висели на шестке в чулане и издавали невыносимый запах. И лучшим лакомством было для нас в те годы не мороженое, о котором мы знали только по книжкам и рассказам отца, не пряники из сельского магазина, а эти вкуснейшие, твёрденькие колбаски, благоухающие чесноком и тмином, с небольшими вкраплениями сальца, уже тоже подсохшего и слегка пожелтевшего!

Наверно, свой дар Ольга получила от бабки-полячки и матери, потому что в семье она была старшей, помогала им по кухне, по хозяйству, и буквально впитала в себя эти рецепты, эти запахи, эти дивные названия. Сейчас, когда я вижу по телевизору, как русских хозяек учат готовить какие-то диковинные блюда из кухни фантастических стран, я думаю: дураки мы, дураки, опять учимся у заграницы, когда своего добра не освоено и половины! А то, что освоено, уже почти забыто...